

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

д-ра филологических наук, профессора С.Г. Проскурина о диссертации
Карабыкова Антона Владимировича «Культурно-коммуникативный
механизм и формы осуществления перформативности в истории культуры»,
представленной на соискание ученой степени доктора философских наук
по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Теоретическое осмысление перформативных практик в речевой деятельности – одна из насущных задач современного философского осмысления реалий языка и культуры. Предпринятое исследование перформативной теории в парадигмальном аспекте представляется нам очень актуальным. В силу определенной специфики перформативы, т.е. своеобразные скрещивания слова и дела, по Дж. Остину, отвечают за формирование своеобразной языковой и философской картины мира. Благодаря формированию перформативов, человек способен регулировать способы видения культуры и определять изгибы языковых репрезентаций. «Перформативные ядра/блоки» способны не только трансформироваться в метапредикаты, но и сами по себе являются «источником развития крупных контентов: жанровых текстов» (Общество сетевых структур, Новосибирск 2011). Сравните, например, способность перформатива представлять и верифицировать действенность конституционного текста. В теории культуры и антропологии давно ощущалась необходимость синтеза форм культурного исполнения, перформативных высказываний и искусства перформанса. Такие работы велись в Берлинском университете в рамках перформативного кружка К. Вульфа. Фундаментальным вкладом в антропологическое измерение теории перформативов внесли его работы «Антропология. История, культура, философия» (перевод Спб, 2007), а также «К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал (перевод Спб, 2009). Формирование перформативных практик в культурах

способно придавать уникальность культурным практикам в рамках этих культур. В свое время мы определили, что по своей форме перформативы способны выполнять роль своеобразных столпов культуры, поскольку они оцениваются не по шкале истинное-ложное, а по параметрам успешное-неуспешное (Proskurin 2013). Таким образом, перформативы не поддаются логическому отрицанию. Следовательно, их исследование способно определить то, на чем стоит культура, и то, что воспринимается носителем культуры как должное иметь место.

К заслугам автора диссертации мы относим парадигмальность в обращении с фактами перформативных конструкций в культуре. А.В. Карабыков отмечает культурную специфичность перформативов. Ранее, до А.В. Карабыкова, в теории перформативов считалось, что культурам свойственны типовые черты перформативов, и они (культуры) лишь отражают специфические практики перформативной теории. Исследуя формы осуществления перформативности в древнеегипетской, израильской, древнеримской традициях, А. В. Карабыков увидел их культурные особенности, которые становятся характерологическими для той или иной традиции. Скажем, конституирующий библейский перформатив «И сказал бог, да будет свет. И стал свет» отражает во многом раннюю эволюционную специфику. По своей природе этот перформатив имеет голосовой характер, т.е. реализуется с участием голоса. В то же самое время то, что сообщается в более поздних текстах, а именно в Евангелии: «В начале было слово...», уже не требует такого участия гортани. В этом проявляются не только эволюционные параметры перформативной теории (а именно то, что наиболее архаичные перформативы требуют участия голоса), но и ее культурная специфичность. С подобной архаикой мы сталкиваемся в тексте А.В. Карабыкова, когда он описывает древнеегипетскую культуру. Сравните созвучные нашей позиции мысли диссертанта. «Будучи субстанциональной, речь характеризовалась

бытийным приматом, первичностью по отношению к прочим частям творения. Как мы помним, даже сам демиург, чтобы воплотиться в создаваемом им космосе, должен был сначала произнести свое имя, подчинившись всеобщему закону генезиса» (с. 80). А теперь приведем развернутый комментарий из книги А. Морэ «Египетские мистерии». «Египетские источники подчеркивают неразрывную связь между Истиной и Словом в характерном, но трудно переводимом выражении, над которым долгое время бились египтологи. Когда кто-либо, бог или человек, сам, от рождения, либо вследствие приобретенных добродетелей, или заслуг, или магических действий, достигал того состояния благодати, которое именуется святостью или божественностью, египтяне говорили о нем, что он «правый голосом» (mAa-xrw)». Быть mAa-xrw означало получить в свое распоряжение животворящее Слово, которое давало полную власть во всех случаях и в любое время. Как пишет А.В. Карабыков, «и поэтому египтяне, образуя имя средствами своего языка, пытались разгадать и выразить в нем замысел творца об именуемом человеке или магически скорректировать судьбу последнего. Причем, объектом такой коррекции мог быть как сам нарекаемый, так и некое третье лицо, главным образом, господин раба или слуги. В таком случае это имя, наподобие матрешки, содержало в себе имя другого человека – объект магического воздействия. Так, памятники сохранили упоминание о слуге, которого звали «Да будет nbw-jrj-3w в милости [у царя]» (с. 88). Иными словами, древние перформативы играли роль оберегов и обладали апотропеической функцией, поскольку отводили зло. При этом мы снова подчеркнем важнейший атрибут перформативности – человеческий голос. Как пишет А.В. Карабыков, «и потому, как мы не раз уже убеждались, главной жизненной задачей египтян – духовной целью, оплодотворяющей их культуру, – являлась победа над смертной немощью. С предельной отчетливостью это стремление запечатлелось в заупокойном культе и прежде всего в его кульминационном ритуале – «отверзании уст».

Вспомните заклинание, произносившееся трижды над усопшим: «Да не уйдет от тебя голос!» Во многом эти представления связаны с той ролью, которая отводится в антропологии эволюции гортани. Связь голоса и действия, их перформативность, берет свое начало в имевшем место опущении гортани глубже в горло. Это дало человеку способность обрести антропный характер, т.е. стать хомо сапиенс.

В ближневосточной ветхозаветной традиции роль перформативов очерчивается эволюционно в рамках тех же параметров, что и в древнеегипетской. Конституирующие библейские перформативы из «Бытия» также изначально связаны с речевыми практиками. В то же самое время появляются консенсусные перформативы, т.е. перформативы ориентированные на заключение соглашений и договоров. Сценарные практики клятв своим богам составляет зримую черту израильской перформативной практики. Здесь диссертант описывает благословления, проклятия. Хочется отметить, что неисполнение обета влечет за собой санкцию, и это осознается израильским этносом на самом глубинном уровне. Клятва – это некоторая сценарная единица культуры. Например, она реализуется через перформанс. Неслучайно, что этимологии клятвы связаны с глаголами движения. Например, «в германских языках имеем гот. *aip̃s*, отразившееся во всех языках этой группы – др.-исл. *eiðr*, д.-в.-н. *eid*, англ. *oath*, которое точно соответствует др.-ирл. *oeth*. ...Гот. *aip̃s* и др.-ирл. *oeth* возводятся к **oitho*, которое можно интерпретировать как производное от корня со значением ‘идти’, ‘ходьба’. Трудность в том, чтобы выяснить связь между «ходьбой» и «клятвой». Вслед за историком К. фон Амирой можно предположить, что речь здесь идет о торжественном шествии к месту клятвы: *in ius ire* ‘идти к клятве’» (Бенвенист, 1995:337). Во многих культурах заключение клятвы сопровождалось двигательным перформансом. Так, известен сценарий возложения текста клятвы перед статуей божества. Иногда принятие присяги сопровождалось жертвоприношением: сакральное

животное рассекалось на две части, между которыми должен пройти присягавший или присягавшие. Аналогичные жестовые ритуальные перформансы попадают в центр внимания А.В. Карабыкова при исследовании ближневосточной культуры. «В зависимости от ситуации, клянувшийся мог или был должен поднять правую руку (Исх. 6:8; Иез. 36:7; 20: 6) или коснуться ей адресата, а в случае взаимной клятвы – соединить ее в пожатии с рукой партнера (1 Езд. 10:19). Десница, фигурирующая в этом обряде, на наш взгляд, символизировала действенность, ту бытийную силу, которой, как верили древние, должны были обладать произнесенные формулы. Телесное соприкосновение выражало новое духовное (а затем и политическое, военное, экономическое) единство, возникавшее в акте совершения клятвы. Первоначально же оно имело более конкретный смысл. Клянясь, евреи прикладывали руки к паху друг друга в ознаменование своего вечного договора с Богом, зримым символом которого служило обрезание» (с. 120).

Есть еще одна любопытная черта древней израильской культуры – это аутореферентность клятвы. Аутореферентность, как подчеркивается в одном из наших исследований (Проскурин С.Г., Центнер А.С. «К предыстории письменной культуры. Архаическая семиотика индоевропейцев»), обладает глубинной онтологической чертой устности – а именно перформативной природой. Во время обещания клянущийся соблюдает условие направленности санкции на себя. Иными словами, в случае неудачного исхода санкция будет направлена на клянущегося.

При обращении к римской культуре перформативные практики обретают специфичность, характерную для этой культуры. А.В. Карабыков устанавливает разную близость/удаленность к перформативу со стороны различных культур. Особого внимания заслуживает раздел «Священные перформативы Рима». «Обычно взаимодействие священных и государственных перформативов строилось по следующей схеме. Римская

власть в лице сената, принцепса или периферийных представителей издавало документ, подтверждающий или отрицающий значение того или иного зафиксированного знамения, которое почти всегда несло в себе регулятивную иллокуцию: подтверждение, угрозу, совет и т.д. В случае, если знамение подтверждалось, государство своим перформативом постановляло принять соответствующие ему меры. Едва ли не самой важной и обязательной из них служили речевые действия того же характера: обеты, посвящения, молебствования и т.д.» (с. 134). В Риме субъекты перформативных практик могли вступать в юридические отношения в акте стипуляции, совершавшемся на форуме. В случае успешности перформативного диалога (*centum dare spondes – spondeo*) заключалась сделка. Позднее эта форма стипуляционного обязательства стала оформляться в контракты. Данная перформативная практика хорошо характеризует государственные перформативные ритуалы римлян. «Хорошо известны общие сравнительные характеристики греческой афинской и римской правовых систем, основанных – в их классическом виде – на понятии “гражданин”. В Афинах гражданин – это свободный человек (не раб), могущий избирать и быть избранным; как говорит Аристотель, “понятие “граждане” определяется участием в судебной и государственной власти”. Афинское понятие демократии основано на этом понимании гражданина. В Риме гражданин юридически определяется иначе – через право вступить в брак, завещать имущество, наследовать имущество; это делает из плебея (человека народа, человека толпы) свободного гражданина Рима (Степанов 2004: 594). Иными словами, государственные перформативы Рима существенно специфичны и опираются на римское право. Возьмем любую жреческую коллегию Рима, и она оказывается оригинальной по сравнению с другими коллегиями, с точки зрения перформативных практик. Так, *ius fetiale* свидетельствует об особенностях ритуализации международного права (тогда исполнявшегося как *ius gentium*). Конкретная

практика объявления войны от имени Рима возлагалась на коллегии фециалов. Как справедливо отмечает А.В. Карабыков, «непосредственными субъектами сакральных перформативов в Риме могли становиться государство в лице конкретных своих представителей, корпорации и сообщества, а также отдельные граждане» (с. 135-136). При этом эти отношения перформативной природы принимались как успешные, если исполнялись определенные требования. Копье фециала при объявлении войны должно было упасть на территорию противника, которому объявляется эта война. Фециал должен быть представителем поколения, у которого есть живые предки и потомки. Фециал последовательно выполняет процедуру объявления войны. Таким образом, в римском обществе открываются оригинальные функции совмещения социального и индивидуального. Как пишет А.В. Карабыков, «к основным разновидностям гражданских клятв принадлежали те, что скрепляли межгосударственные договоры (foedera)...» (с. 140) Снова обращаемся к коллегии фециалов, которая служила в качестве наблюдателя за исполнением договоров Рима и карала даже самих граждан Рима за их неисполнение.

Переход к культурам Средних веков у А.В. Карабыкова связан с изменением парадигмы перформативных практик. Церковная идеология сохранила прежние ценности, которыми обладали перформативы в Израиле, Др. Египте, Риме, но вместе с тем произвела множество переосмыслений. В свое время мы определили, что культурам присущи перформативные ядра, конституирующие их перформативные практики. Если изменить или заменить эти ядра, культуры приобретут иные очертания (см. Проскурин 2011 в колл. монографии «Общество сетевых структур»).

Давая общую характеристику работы А.В. Карабыкова в своем отзыве, мы стремились дополнить факты, изложенные в работе диссертанта. Наш анализ показывает, что работе присуща исследовательская новизна, глубокая историчность и исследовательская значимость.

К сильной стороне работы относятся данные, связанные с обширными познаниями автора в текстовом материале, который он интерпретирует весьма точно, а сами контексты представлены в тщательно выверенной текстовой интерпретации с указанием особенностей написания. Филологический метод, используемый при написании работы, продолжает традиции контекстуального анализа древних контекстов классической школы философии и филологии.

Наши замечания касаются источниковой базы, которую можно и нужно было пополнить «Словарем индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста, а также такими работами, как: «Жреческие коллегии в древнем Риме» под ред. Л.Л. Кофанова М., 2001. Существенный пробел – это отсутствие в диссертации ссылок на вышеотмеченные работы К. Вульфа.

Недостаточно, на наш взгляд, отмечена парадигмальность в рамках преемственности анализа. Сравните, хотя бы неиспользованную возможность подчеркнуть связь с парадигмами философии языка (см. Степанов Ю.С. «В трехмерном пространстве языка»).

Работа написана стилистически корректно. Незначительные опечатки, правда, имеют место (ср. на с. 96 «прочих божеств»).

В целом у нас положительное отношение к работе, которая является законченным целостным исследованием, выполненным автором самостоятельно. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, что свидетельствует о личном вкладе автора. Полученные результаты могут быть интересны для слушателей курса истории и теории цивилизаций. Выводы и результаты достаточно полно представлены в публикациях автора по теме диссертации.

Научное исследование Карабыкова Антона Владимировича «Культурно-коммуникативный механизм и формы осуществления перформативности в истории культуры» является научно-квалификационной работой.

Диссертация содержит решение актуальной философской проблемы – формулирование теории культурной специфичности перформативов, теоретически и практически значимые результаты, существенные для философии, теории и истории культуры, и вполне соответствует требованиям п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, а его автор, Карабыков Антон Владимирович, заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 24.00.01 Теория и история культуры.

25.05.2014

Доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры английской филологии, профессор кафедры
международного права ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет»

С.Г. Проскурин

Проскурин Сергей Геннадьевич

630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2., ауд. 612

ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Телефон: (383) 363-42-44

E-mail: s.proskurin@mail.ru